

АЛЕКСЕЙ НАСЕДКИН:

Культура. — 2003. — 14-20 авг. — с. 12

Продлить бы сутки хоть на четыре часочка

Встретиться с Алексеем НАСЕДКИНЫМ — пианистом, композитором, педагогом, просветителем, почитаемым во многих странах мира, оказалось делом нелегким. Его жизнь состоит из сплошных дел и забот. Мы встретились с Алексеем Аркадьевичем — профессором консерватории, преподавателем ЦМШ (две выпускницы школы по его классу держали нынче экзамен в консерваторию), педагогом колледжа имени Шопена — сразу по окончании учебного года. А если добавить к перечисленному только-только завершившиеся в Рузе мастер-классы в «Юношеских ассамблеях искусств» (здесь без профессора Наседкина не обходятся уже на протяжении 10 лет) и предстоящую поездку на мастер-классы в Японию, станет ясно, какие усилия надо было приложить, чтобы свидание состоялось.

— Алексей Аркадьевич, как вы все успеваете? Как выдерживаете подобные нагрузки? Да и раньше, обучаясь в консерватории на двух отделениях — фортепианном и композиторском, — вы каким-то чудом умудрялись выполнять множество разного рода поручений: участвовали в ответственных показательных программах, выступая перед важными персонами и почетными гостями. Быть может, школьная и студенческая закалка столь прочно сказалась на характере, на привычке жить с полной отдачей. Разве не подтверждение тому множество благотворительных акций, совершаемых вами сейчас?

— Да, за последние годы активной благотворительной деятельности у меня значительно прибавилось.

— Увеличилось число обязанностей?

— Не обязанностей, а обязательств — по-моему, существенная поправка, — которые я сам возложил на себя, по доброй воле, и считаю прямым долгом выполнять их. Помимо «Юношеских ассамблей» (там я с 1992 года председатель жюри конкурса пианистов), я президент Фонда Анны Артоблевской. Мы провели три конкурса, состоялись праздники-фестивали в некоторых городах России. В планах 2005 года — столетия со дня рождения Анны Даниловны — намерены широким фронтом развернуть праздник — от Владивостока до Сочи. В прошлый юбилейный фестиваль и конкурс в Москве (в 1999 году) у нас собрались более 200 участников, представлявших самые разные школы, а жюри состояло исключительно из учеников легендарного педагога. Забавный номер мы придумали тогда для юбилейной программы: решили потряхнуть стариной и возродить в шестиручном исполнении фортепианных пьес — школьное «Трио Алеш», игравших на клавиатуре одного фортепиано, — Алеша Любимов, Алеша Головин и я; мы очень любили это занятие. Оказалось, не так легко осуществить задуманное в нынешних условиях, так как только Алексей Любимов остался в прежней весовой категории, я, что заметно, худосочнее не страдая, а уж Алексей Головин со своими мощными габаритами должен один занять больше половины площади за клавиатурой. Еле-еле втиснулись втроем, сыграли Вальс и Романс Рахманинова в шестиручном переложении, к удовольствию аудитории и к собственной радости.

— Наверное, зрелище больше походило на цирковой номер под названием «Три — Алеша — три»?

— Весьма вероятно. Мы себя не могли наблюдать со стороны. А уж повторение выступления «Трех Алеш» через пару лет, к столетию Анны Даниловны, сомнительно: разве что сядем с Алешей Головиным на строгую диету, тогда есть надежда, что получится.

Помимо дел, связанных с именем Анны Даниловны, меня еще пригласили в Шубертовское общество. Сами понимаете, этот композитор мне близок, дорог. Я его очень люблю, играл и играю сочинения разных трудностей и жанров со школьных лет и по сию пору в сольных программах. Уж не говоря о завоеванной I премии на Конкурсе имени Шуберта в Вене в 1967 году. Еще два «адреса» должен добавить для полноты картины: Скрябинское общество и неожиданно возникший в декабре прошлого года в Ярославле конкурс, носящий мое имя. Мне было очень приятно и радостно, что по инициативе мэрии и Управления культуры было проведено это соревнование юных музыкантов. Однако, само собой разумеется, помимо щекошущих самолюбие эмоций, появились новые тревоги и трудности, связанные с желанием осуществить все затеянное на должном художественном уровне.

— Ярославский конкурс — местного или регионального значения?

— В том-то и дело, что даже международного: участники приехали не только из самых разных городов нашей страны, но из Швейцарии, Китая, Кореи, Японии. Так что мероприятие получилось достаточно серьезным и масштабным.

— Раз зашел разговор о конкурсах, то интересно было бы услышать отношение к ним «рекордсмена» конкурсных побед. Такое определение прочно закрепилось за вами после «золотой» победы на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене и восьми участиях в международных турнирах. И особенно после того, как за полтора месяца вы стали трижды лауреатом трех престижных конкурсов.

— Прежде всего одно уточнение: я никогда не считал себя конкурсным исполнителем. Просто стечение обстоятельств привело к тому, что на протяжении десятилетия конкурсов пришлось так много на мою долю. По числу выступлений, пожалуй, приближаюсь к рекордсмену (всего, меньше чем за десятилетие!), но по собственному ощущению — нет, конечно. Конкурсная специфика игры никогда не была мне особенно близка, и хотя приходилось выступать на состязаниях, перестраивать

А. Наседкин

ваться в творческом плане (иначе я бы не получал премии), тем не менее такая форма музицирования не была «моей». И вообще, у меня не такое уж положительное отношение к конкурсам, и раньше так было, когда этим много занимался сам, и теперь как у воспитателя молодых коллег, учеников. Конкурсы сами по себе ничего не дают. Если можно обойтись без них — это неплохо. Однако времена сейчас какие? Каждый вынужден думать сам о своем будущем. Если сам не позаботится, никто этого не сделает. А без участия в международных творческих турнирах и, естественно, без каких-либо знаков поощрения ни один импресарио и разговаривать не будет с музыкантом, начинающим карье-

ру... Вот и возникает проблема конкурсности. Молодой человек часто только еще поступил в училище, а уже думает о конкурсе. Подготовит удачно программу и начинает ее тиражировать. Это очень опасная болезнь. И еще одна проблема, связанная с нынешней атмосферой на творческих турнирах: возникает необходимость внимательно следить за ходом конкурсных событий, потому что нередко случается, что абитуриент очень хорошо играет, демонстрирует прекрасные пианистические, артистические данные, а заслуженной награды не получает. В силу разных причин: то педагог, сидящий в жюри, прилагает максимум усилий, чтобы протолкнуть своих учеников, а то и недостаточная квали-

фикация кого-то из членов жюри не позволяет разобраться, что хорошо, что плохо. А талантливый, перспективный музыкант теряет веру в себя, в свои творческие возможности. Вообще говоря, то, что отменили, как было прежде, строгие отборы претендентов на состязания, предварительные прослушивания на разных уровнях, вызывает у меня двойственные чувства: хорошо, что талантливые люди, чувствующие свои силы, подготовленность к трудным творческим сражениям, может вступать в состязания, не завися от вкусов «начальников», решающих, достойна ли кандидатура того или иного претендента. А с другой — решающим фактором при такой системе становится наличие денег у

конкурсанта, которые он должен внести за участие в состязании: есть требуемая сумма — и поезжай. Отсюда и случайность состава конкурсантов, и непредсказуемость результатов, и пестрота общей панорамы творческой жизни молодых артистов.

— Алексей Аркадьевич, а может быть, в свое время вам прибавила конкурсного пыла редкая память? Вы ведь славились тем, что предельно быстро запоминали произведения.

— Да, на память жаловаться не могу. Ну, к примеру, труднейшую Сонату № 29 Бетховена выучил за семь дней, а Рапсодию на тему Пганини, по необходимости, перед гастрольями — за три дня. Оба произведения — трудные и многостраничные. Но это уже было в последующие годы.

— Одна из ваших побед — результат совместного выступления с Наталией Гутман. Это единственная премия за игру в ансамбле?

— Награда единственная. Мы получили ее в Мюнхене в «урожайном» для меня 1967 году на турнире Камерных ансамблей. Первую премию завоевали. Эту победу я очень ценю и горжусь ею. Награда — единственная, но ансамблевое музицирование — одна из излюбленных форм моей исполнительской деятельности. С Наталией Гутман мы переиграли почти все виолончельные сонаты. А вообще играл в дуэтах едва ли не со всеми инструментами симфонического оркестра — от флейты до контрабаса. Кроме того, играл очень много и охотно в квартетах, трио и других инструментальных камерных составах.

— А какие программы предпочитаете, формируя концертный репертуар: симфонические или камерные сольные?

— В прежние годы очень любил симфонические. А в настоящее время мне, пожалуй, предпочтительнее сольные, потому что не всегда нахожу должные контакты с дирижерами, причем контакты не столько творческие, сколько чисто человеческие. Сольные программы мне легче формировать — сам подбираю и выбираю произведения, тематически компоную. И предпочтительнее отношусь к смешанному репертуару. Довольно часто играю свои сочинения.

— Интересно узнать о вашем отношении к попсе?

— Попса — что это такое? Что вы имеете в виду? Я не понимаю.

— То, что сейчас задавило настоящую культуру, что озвучивает с утра до ночи нашу непереносимо громкую жизнь. Самое, самое модное!

— Я люблю эстраду. И даже очень люблю. Многие песни знаю. Никогда не зачеркиваю хорошую эстраду, настоящую. Ценю творчество и исполнителей, и поэтов-песенников, и композиторов. Только не ту эстраду, где нет ни намека на поэзию, мелодию, художественный образ, мысль. Да к тому же истошно кричащую с экрана телевизора. Конечно, подобное непереносимо.

Однако нынешняя тенденция перекривать направо всю нашу песенную классику, наблюдаемая нередко у ученых мужей, якобы защитников высокого искусства, мне

представляется неправомерной. Ее не перечеркнешь, талантливое, настоящему яркое все равно возвращается. Нет, я не отрицаю эстраду. Другое дело, что надо уметь отличать хорошее от плохого, тщательно отбирать ценности, а не выплескивать вместе с водой ребенка.

Между прочим, в самом факте моего первого знакомства с собеседником есть нечто забавное: в какой-то мере он породил нас. В давние времена наши дебюты совпали на одном событии: семилетний Алеша Наседкин дебютировал в первом выходе перед публикой в Колонном зале Дома союзов. А мне, припозднившейся в выборе профессии сорокалетней журналистке, редакция доверила дебютировать первой рецензией. Талант вундеркинда был открыт, и профессия критика утвердилась прочно и на все последующие годы.

Тогда было известно только начало удивительной биографии Наседкина. Алеша к четырем годам совершенно самостоятельно познал нотную грамоту, а к пяти приспособился подбирать на клавиатуре аккордеона (короткой, в три с половиной октавы) звучащие вокруг мелодии. С тем и привел его отец в Центральную музыкальную школу при консерватории, где обучаются самые одаренные дети. Слух — абсолютный, музыкальная память — уникальная. Вундеркинд. В скором времени, как начал обучаться, поразил учительницу сочиненным упражнением, потому что прослушал, что нет у нее в обиходе такой музыки, сочинил, принес, и она с большим успехом воспользовалась и для других учеников этим ценным подарком. Первая опера в семь лет, потом знаменитая сказка о «Рыбаке и рыбке», написанная семилетним композитором на либретто семидесятисемилетнего академика Л.Я. Сноповского. А еще через два года сама учительница А. Артоблевская сочинила в стихотворной форме литературный текст «Большой оперы» «Красная Шапочка» (длительность ее звучания — 3–4 часа).

— Первое пианино в доме было взято напрокат, сначала появилось плохенькое, а потом — очень хорошее — SEILER, с полной клавиатурой, с двойной репетицией, — комментирует собеседник. — А роль — когда мне стукнуло 30 лет.

— Совсем коротко — о ваших увлечениях?

— Теоретически — спорт. С детства такое сильное увлечение (футбол, лыжи, шахматы — по ним имею первый разряд). Если бы не родительская воля, мог бы и вовсе уйти в спорт. И сейчас очень люблю футбол, лыжи, шахматы. Люблю, повторяю, теоретически, потому что времени не хватает следить за событиями. Да, впрочем, что говорить, опасаясь, что скоро и сочинение музыки превратится в хобби — занимаюсь этим своим кровным делом буквально урывками.

А чем поможешь? — думаю я. Разве что найти на белом свете мага и чародея, способного продлить сутки часика на четыре! Вот тогда!..

Беседу вела
Мариам ИГНАТЬЕВА
Фото
Степана РАПЧЕВСКОГО